

ОТЗЫВ

председателя диссертационного совета на диссертацию Куталмыш Софии Леонидовны на тему «ФОНОЛОГИЧЕСКАЯ СИСТЕМА КАЗАХСКОГО ЯЗЫКА И ЕГО РАЗНОВРЕМЕННЫЕ ПИСЬМЕННЫЕ СИСТЕМЫ», представленную на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.22 — Языки народов зарубежных стран Европы, Азии, Африки, аборигенов Америки и Австралии (тюркские языки)

Диссертационная работа С.Л. Куталмыш состоит из введения, 3 глав, заключения, списка литературы и 11 приложений, демонстрирующих примеры текстов из казахской литературы разного времени и некоторые документы. Как пишет сама автор, «В первой главе «История изучения вопроса» приводятся краткие сведения в том числе исторического характера, дающие основное представление о казахском народе и их языке (рассогласование в анафорическом местоимении – АЖ), излагаются теоретические основания проводимого исследования, а также содержится краткий очерк истории исследований обозначенной области казахского языка. В главе 2 «Фонологическая система казахского языка» приводится описание вокализма и консонантизма казахского языка с фонологической точки зрения. Глава 3 «Приемы передачи казахских фонем знаками разных письменных систем» содержит описание фонем казахского языка с точки зрения того, каким способом они были переданы на письме в рамках той или иной письменной системы.»

На мой взгляд работа делится на две неравнозначные части: анализ фонологии и описание истории языка и письменности. Вторая часть представляет собой логичный и полный исторический анализ разных вариантов письменности и отражения в них казахской фонологии. Автор демонстрирует широкий кругозор, прекрасное знакомство с литературой и глубокое знание предмета. Уместны и приведенные в диссертации приложения. Замечания к этой части немногочисленны и не принципиальны. Например, на с. 52 казахский язык классифицируется как «огузо-карлукско-кыпчакский», но это объединение является скорее гипотетическим, в отличие от его принадлежности к собственно кыпчакским и, уже, кыпчакско-ногайским языкам. Раздел «Письменные системы на основе кириллицы» на с. 69 начинается и до конца 70 с. содержит цитаты об арабографической, а не кириллической, письменности. В разделе о письменной системе Алекторова (с. 76) приводится его цитата, которая без пояснения и перевода не ясна: «собственно въ киргизскихъ словахъ оно (а с умляутом – АЖ) употребляется въ случаѣ

уточнения гласныхъ, напр, изъ ата (отець) атеке, аке, изъ Бактыяръ Бәке». К тому же неиспользование привычного для лингвистических работ курсива для языковых примеров в диссертации делает их трудно различимыми, особенно, в случае кириллицы. Фраза на с. 78 «наиболее сложным и изоощренным является письмо, использованное И. Лаптевым в своей выпускной аттестационной работе, написанной в 1900 г.» требует уточнения характера этой выпускной работы. Не очень удачно и выражение «международное общественное суждение» на с.82 «Международное общественное суждение оказало существенное влияние на становление казахского письма в первой половине XX в., а также в 1990-х гг. и сегодня.» В выражении на с. 87 «фонема /ә/, по-моему, фонема перепутана с арабогрфической буквой (или графемой). Не уверен, что, как утверждается на с. 88, «решение о принятии латинизированного письма принадлежало основной массе казахского населения», – мне механизм смены алфавита представляется другим. На с. 90 ссылка на А.С. Аврутину «Как отмечает А.С. Аврутина, создание латинизированного письма имело так называемый стихийный характер» на мой взгляд противоречит описанной ранее и далее вполне целенаправленной работе по введению латиницы. Видимо, эта цитата не про казахский язык, но тогда зачем она здесь? Непонятно, какое отношение к казахскому языку имеет и следующая за ней цитата В.Г. Гузева о турецком языке. В выводах о латинизированном письме на с. 97 фраза «Замена буквосочетаний «uv», «uv» графемой «u» и «bj», «ij» - графемой «i» способствовала осуществлению более легкого перехода на алфавит на основе кириллицы.» требует пояснения о причинах упоминания в разделе о латинской письменности кириллицы. Из более общих и значимых замечаний можно отметить желательность сопровождения этапов изменения письменности комментариями об историческом фоне этих изменений, а также, возможно, было бы целесообразно в конце главы представить сравнительную таблицу фонем и соответствующих им графем в разных письменных традициях.

Что касается описания фонологии и его теоретического бэкграунда (часть введения и первой главы и вторая глава), то здесь проблем существенно больше.

Прежде всего, мне кажется, что многих проблем, о которых будет сказано ниже, можно было бы избежать, если изменить название работы. Если бы работа не претендовала на вынесенную в первую часть заглавия «фонологию казахского языка», а ограничилась бы, например, заглавием «Варианты казахской письменности в контексте их приспособленности к передаче фонологической системы казахского языка», удалось бы не только избежать

стилистически не бесспорного выражения «разновременные письменные системы», но и, хотя бы отчасти, ряда более серьезных вопросов: почему при изложении теории фонологии вся история вопроса практически останавливается на Трубецком, не считая 2-3 очень кратких цитат других авторов. Как можно пройти мимо, например, статьи Якобсона-Фанта-Халле (русский перевод 1962 года), и огромного количества более поздних фонологических теорий и концепций? В результате при описании фонологии автор практически игнорирует понятия «оппозиция», «нейтрализация», «дифференциальный признак». Отсутствует традиционная для описания фонологии таблица с указанием на таксономию фонологически значимых для согласных дифференциальных признаков, а представленные в работе «треугольники» для гласных не соответствуют традиционным схемам описания вокализма. Не определено, каким вариантом транскрипции пользуется автор.

Подраздел введения «Степень разработанности проблемы» практически полностью состоит из изложения взглядов Трубецкого на фонетику и фонологию, но ожидался бы в этом разделе обзор современной литературы. Список литературы в работе достаточно обширен, но мимо автора прошли многие работы, представляющиеся весьма важными, в частности практически не учтена англоязычная литература. Понятно, что при описании истории казахской письменности работы на казахском и русском вполне репрезентативны, но, если речь идет о фонологии, это не так. Ввод в поиск «Phonology of Kazakh» дает достаточно обширный список работ, а если использовать библиографии в этих работах, то список расширится еще больше. Вот лишь некоторые из работ, представляющихся релевантными:

Щербак А. М. Сравнительная фонетика тюркских языков. Л. Изд. Наука 1970г. 204 с.

BADANBEKKYZY Z. 2001. Sound sources of phonemes in the Kazakh language (Unpublished doctoral dissertation). Almaty (я не знаю на каком она языке, в библиографии была по-английски)

BAZARBAYEVA Z. 2008. The Kazakh language: Intonology, Phonology. Almaty. (я не знаю на каком она языке, в библиографии была по-английски)

ZEINER BAZARBAYEVA, NAZGUL OSPANGAZIEVA, , ROZA SADYKOVA, AKSHAY ZHALALOVA and ZHAZIRA ZHAUYNSHIYEVA Description of One-dimensional and Multi-dimensional Distinctive Features in the Kazakh Phonology

Jankowski, Henryk. 2010. The Consonants ž - ě in Kazakh. In: Mańczak-Wohlfeld, Elżbieta &

Podolak, Barbara (eds.) Studies on the Turkic word: A festschrift for Professor Stanislaw

Stachowski on the occasion of his 80th birthday. Kraków. 23–32.

Kirchner, Mark. 1992. Phonologie des Kasachischen: Untersuchungen anhand von Sprachaufnahmen aus der kasachischen Exilgruppe in Istanbul, Teil 1: Untersuchung.

Wiesbaden

Adam G. McCollum and Si Chen Kazakh Published online by Cambridge University Press: 26 February 2020 Journal of the International Phonetic Association, Volume 51 Issue 2

Özçelik, Öner. To Appear in the Encyclopedia of Turkic Languages. Brill. Phonetics/Phonology/Phonotactics /Morphophonology/Prosody Kazakh phonology

<https://oozcelik.pages.iu.edu/papers/Kazakh%20phonology.pdf>

Özçelik, Öner. 2015. ‘Stress’ or ‘Intonational prominence’? Word accent in Kazakh and

Uyghur. Turkic Languages 19:163–192.

UALIEV N. 1993. Phonological basics of Kazakh Grammar and Spelling (Unpublished doctoral dissertation). Almaty. (я не знаю на каком она языке, в библиографии была по-английски)

VAJDA E. 1994. Kazakh phonology. Opuscula Altaica: Essays Presented in Honor of Henry Schwarz. Western Washington University.

Washington, Jonathan. 2010. Syllable margin phonology in Kazakh. Manuscript, Indiana

University.

Washington, Jonathan. 2016. An investigation of vowel anteriority in three Turkic languages

using ultrasound tongue imaging. PhD Dissertation, Indiana University

ZHUMABAYEVA Z. 2006. Phonologization of the vowels in the Turkic languages (Unpublished doctoral dissertation). Almaty.

ZHUMABAYEVA M. 1998. A. Baitursynov and Phonology of Modern Kazakh language. Almaty.

При знакомстве с фонологическими разделами диссертации возникает вопрос о правильном понимании автором причинно-следственной связи во взаимодействии фонологии и письменности. Вот, например, цитата: «В рамках данной работы впервые фонологическая система языка анализируется с учетом особенностей фонемографической системы письма. Сделать это оказалось возможным в результате наличия связи между фонемой и фонемограммой, которая была выявлена исследователями в области грамматологии, в том числе Н.С. Трубецким, И. Фридрихом, И.Е. Гельбом, В.Г. Гузевым, А.С. Аврутиной и др.» (с.6) Здесь хотелось бы увидеть пояснения об этой связи, которая представляется не всегда однозначной. Все языки когда-то были (а многие и до сих пор являются) бесписьменными, но фонология у них была (без нее не было бы самих языков). Более того, для «молодых» письменных систем их создание, действительно, строится на основании описания фонологии. Письменность зависит от фонологии и отражает ее, но далеко не всегда однозначно. Очень часто для «своей» фонологии используется письменность, созданная на основе «чужой» фонологии. Может ли фонология зависеть от письменности так, чтобы можно было использовать вторую для описания первой? Письменность может отражать фонологию, но не наоборот.

К этому же замечанию - «Объект исследования представляет собой фонологическую систему казахского языка с опорой на его разновременные письменные системы.» (с.7) Все же это письменность опирается на фонологическую систему, а не наоборот. Можно (и нужно) описывать варианты письменности с опорой на фонологию, но противоположный процесс вызывает вопросы.

«Основной целью данной работы является проанализировать фонологическую систему вокализма и консонантизма казахского языка» (с.7) «...Является проанализировать...» - стилистически плохо.

Там же на с. 7 в подразделе «научная новизна» мы читаем: «Описаны структурные единицы фонологической системы современного казахского языка, а также его разновременные письменные системы.» Но описание «структурных единиц фонологической системы современного казахского

языка» не является новым. Они уже были описаны не один раз. Здесь следовало бы указать, что конкретно нового ввел в фонологию автор. Причем это же указывается и в качестве теоретической значимости диссертации.

Не понятно, как материал диссертации может практически использоваться «в частности, для составления учебных курсов по общей грамматике казахского и других тюркских языков,...» (с.8) Про грамматику в работе ничего не говорится.

Не вполне понятно упоминание дифтонгоидов. Цитирую: «... во всех этих случаях речь идет не о сочетаниях гласных, а о сложных гласно-согласных сочетаниях, так как силлабограммы «и», «у», «я» и «ю» выражают дифтонгоидные сочетания гласных и согласных. Это подтверждается данными исследования истории развития казахского алфавита, проведенными в рамках данной работы.» (с. 4) Почему «и» и «у» силлабограммы? Что в них дифтонгоидного? Какое отношение к дифтонгам или дифтонгоидам имеют «сложные гласно-согласные сочетания», почему они сложные в «я» и «ю», и где они в принципе в «и», «у»? Сочетание гласных и согласных не называется ни дифтонгом, ни дифтонгоидом. Дифтонгоиды относятся скорее к фонетике, чем к фонологии. Очевидно, что использование этого термина требует специального раздела с пояснениями о применении термина в лингвистике в целом и автором, в частности.

Некоторые положения работы и приводимые для их подтверждения (сопровождения) цитаты представляются мало связанными друг с другом (по крайней мере, без пояснений): (с. 16) «С середины XIX в. до 1929 г. для передачи казахских текстов использовались буквы арабицы и кириллицы. Первые казахские тексты ... были написаны арабским письмом....Как отмечает А.С. Аврутина, «в Малой Азии для записи литературных текстов с XIII по начало XX вв. использовалось арабографичное письмо, точнее сказать, использовался приспособленный под тюркские нужды усредненный вариант арабского и персидского алфавитов». Не ясно, причем тут «Малая Азия».

Зачем появляется цитата о знаке на с.16 в разделе 2 (Основные положения фонологии) первой главы: «Одним из центральных компонентов языковой системы является знак. В лингвистическом словаре О.С. Ахмановой «знак» определен как «показатель, выразитель определенного языкового значения». Это толкование содержит главную характеристику рассматриваемого явления, заключающуюся в том, что знак содержит как означающее, так и означаемое.» Фонология не оперирует знаками. И далее опять цитаты про знак В.Б. Касевича и Ю.С. Маслова на с. 21. На странице 20 приводится цитата из Карра

(наверное, единственная из англоязычной литературы). Но это книга по философии языка, что подразумевает совершенно особый метаязык. Ее перевод, действительно сложен (например, перевод термина «token» автором не бесспорен). Смысл ее не очень понятен и при обращении к первоисточнику (я нашел эту книгу). При этом сразу за этой фразой, в работе Карра на 404 с. идет фраза «But there are conceptual problems with this way of defining the phonemic/phonetic distinction, and those problems arise for postulated phonological representations regardless of whether they take the form of phonemes or not», которая фактически дезавуирует процитированный в работе текст. Это делает ее использование в диссертации не мотивированным.

Заканчивается сюжет о «знаках» совсем неудачно: фраза на с. 23 «Таким образом, буква на письме и фон в речи являются знаками, объединяющими означающее и означаемое». Это противоречит общепризнанным взглядам (ни фон, ни буква не являются знаками) и не вытекает из предыдущего текста.

Цитата на с. 25 - «период создания латинизированного казахского алфавита (1920-30-е гг.) – по выражению А.С. Аврутиной, этот период явился «ярким примером стихийного, но не осознанного специалистами проявления фонологической и морфонологической подсистем языка» - также не вполне ясна. В языке, в принципе, все стихийно, а в алфавите не стихийно ничего.

В конце первой главы выделяется 6 этапов изучения фонологии казахского языка, причем для всех шести (включая последний – до современности) постулируется «отсутствие разграничения фонетических и фонологических понятий». Это вызывает очередные вопросы: получается, что никто из авторов этих 6 этапов не знаком с идеями Трубецкого, Якобсона, их последователей и не изучал курс «Введения в языкознание»?

На с. 28 целый абзац состоит из совершенно не связанных друг с другом фраз «§2. Система гласных фонем. Казахский язык относится к группе агглюнативных языков. Для него характерно наличие девяти гласных фонем и справедливо замечание Н.А. Баскакова, с историко-типологической точки зрения описавшего фонетику тюркских языков, о том, что данные языки «характеризуются наличием вокализма, состоящего из одной слогаобразующей фонемы». Справедливость последнего для казахского языка экспериментально подтвердил А. Джунисбеков: «...более тщательный и нетрадиционный анализ, проведенный нами, показал, что морфем, состоящих только из одного согласного, (в казахском языке – С.К.) не существует. Следовательно, в казахском языке аффикса меньше слога не бывает». Как связана агглютинация, 9 гласных, наличие вокализма из одной

слогообразующей фонемы, отсутствие морфем из одного согласного и аффиксов меньше слога, остается совсем не ясным.

Впрочем, и следующая фраза на той же странице далека от полного понимания: «Фонемный состав вокализма казахского языка зачастую не вызывает споров у исследователей и определяется ими одинаково, начиная со второй половины XIX в., когда начались исследования современного казахского языка, которые хотя и носили фонетический характер, имели отношение именно к фонологической системе казахского языка».

И далее там же «Система вокализма казахского языка, так же как и в чагатайском языке, включает девять фонем: /a/, /e/, /ä/, /i/, /ı/, /o/, /ö/, /u/, /ü/103. Л.Р. Зиндер так определяет роль органов речи в формировании звуков речи, являющихся реализациями фонем...» Где связь между фразами?

На с. 29 идет фраза «...другие названные противоположения, а именно: по степени полноты и по тембровым признакам – для казахской системы вокализма характерны. Рассмотрим их подробнее.» и сразу за ней вместо рассмотрения вокализма «По мнению Н.А. Баскакова, «в этих (тюркских. – С.К.) языках согласные определяют характер не только слога, но и всего слова. /.../ Приоритет же согласных, их доминирующее значение в фонологическом строении слога, морфемы и целого слова выявляется тем, что без гласных можно графически обозначить слово, в то время как без согласных это невозможно». Однако о ведущей роли сингармонизма в турецком языке неоднократно писал В.Г. Гузев.» Совсем не нахожу никакой связи между фразами.

Не смог найти даже с помощью интернета, что означает «явление «оверязализирования»» на той же 29 странице. Да и вся фраза «В казахском языке явление «оверязализирования» согласных фонем под влиянием заднерядных гласных в заимствованных русских словах (например, в «Программе для начальных школ», изданной в 1933 г., слово «колхоз» зафиксировано в виде qalqoz), а также то обстоятельство, что состав именно гласных фонем казахского языка не вызывал споров у исследователей, также убеждают нас в доминантном положении гласных.» совершенно не убеждает в возможности «доминантного положения гласных». Термин «афониматические» я также не смог обнаружить, несмотря на цитату из Трубецкого.

На с. 31 я опять не вижу связи между фразами: «На основании чего А. Джунисбеков сделал вывод о том, что применительно к казахскому языку

«следует говорить не о словесном ударении, а о фразовой, ритмико-синтагматической, логико-экспрессивной выделенности того или иного слога в слове... /.../ ...в казахском языке нет словесного ударения, которое служило бы как фонологическая метка словоопознавания и словоразличения». Эти результаты экспериментально-фонетических исследований подтверждают находку Н.А. Баскакова об особой роли сингармонизма в фонологической системе тюркских языков...» Как связаны отсутствие фонологически значимого ударения, «эти экспериментально-фонетические методы» и роль сингармонизма?

С. 32: «Однако с фонологической точки зрения происходит корреляция гласных переднего и центрального рядов с гласными смешанного и заднего рядов...». Что значит «происходит корреляция»? Может быть, существует оппозиция, противопоставление?

Ссылку 122 на с. 32-33 я не понимаю ни по существу, ни по тому, какое она имеет отношение к системе вокализма, к разделу о котором относится: «Как отмечает М. Джусупов, «в русском языке, кроме таких монотембральных слогов, как сель, тюль и мять, есть большое количество политембральных слогов, в просодии которых сочетаются мягкие и твердые, твердые и мягкие тембры: мать, гусь; люк, кит. Политембральные слоги в казахском языке отсутствуют» (Джусупов М. Звуковые системы русского и казахского языков. Слог. Интерференция. Обучение произношению / М. Джусупов, [отв. ред. В.А. Редькин]. – Ташкент: Изд-во «Фан» Узбекской ССР, 1991. С. 15). На основании данного заключения мы сделали вывод об отсутствии необходимости отмечать «мягкость» или «твердость» согласного в транскрипции казахского слова.»

На с. 37 опять встречается «доминантность реализации гласных»: «Двухклассовость системы проявляется в ее разделении на гласные переднего и заднего ряда (на схеме это отображено двумя треугольниками). Это первоочередной смысловозначительный признак фонем казахского языка, поскольку именно он определяет реализации гласных фонем доминантными по отношению к реализациям согласных фонем в казахском языке.» Я пытаюсь догадаться, что, видимо, имеется в виду, что ряд гласного определяет качество согласного, но это, видимо надо объяснить и сопроводить примерами. Правда, на с. 29 мы находим противоположное высказывание «Приоритет же согласных, их доминирующее значение в фонологическом строении слога, морфемы и целого слова выявляется тем, что без гласных

можно графически обозначить слово, в то время как без согласных это невозможно».

На с. 38 я опять не понимаю фразу «В конце слова в полную силу вступает корреляция по полноточности.» Что такое в фонологии «в полную силу» и «полноточность»?

На с. 39 не ясно, причем тут алломорфная система и фонема /a/: «Корреляция /e/ - /i/ особенно характерна для алломорфной системы казахского языка: например, кiмде – ‘у кого’, кiмдi – ‘кого’; өзiмде – ‘у меня самого’, өзiмдi – ‘меня самого’. Вообще, фонема /e/ выступает «сингармонической парой фонемы /a/». И там же, что такое «в формальных частях слова»?

На с. 41 фраза «Как наглядно указали А. Джунисбеков и Ж. Абуов, /g = ɣ/, а /k = q/. Однако мы не сможем принять данное графическое изображение этих фонем, так как оно включает в себя именно иллюстрацию аллофонов, причем только двух.» непонятна без пояснений.

Означает ли фраза на с. 41 «Наиболее верным представляется передавать на письме эти фонемы через /ɣ/ и /q/.» что автор предлагает использовать в письменности скобки фонологической транскрипции?

Не уверен, что «в лексике казахскоговорящего населения» и «смешанный язык» на с. 42 удачные формулировки.

На с. 44 перечисляются артикуляционно-акустические и фонологические признаки согласных. Затем идет фраза «Это значит, что не все данные признаки согласных участвуют в построении фонологической системы языка и наделяют согласную смыслоразличительной характеристикой.» Но фонология – это как раз описание фонологически значимых признаков, зачем тогда они приводятся вместе с фонетическими?

С. 46: «Судя по всему, благодаря незаполненным лакунам в указанной системе оппозиций, оказалось возможным размещение в казахском языке таких слов из русского языка, как зал /zal/ (зал, просторная комната) и пар /paɣ/ (пар; пара, два).» Как лакуны в «системе оппозиций» помогают «размещать в язык слова»?

С. 47: «Основу фонологической системы инлаута казахских слов создают фонемы /q/, /s/ и /t/, которые коррелируют со всеми встречающимися в инлауте согласными фонемами.» Что такое «основа фонологической системы»?

Что такое «эмфатическая корреляция палатализации» на с. 50?

Как видно из моего отзыва, замечаний по фонологической части работы весьма много, но, видимо, все же они не должны поставить под сомнение всю проделанную диссертантом работу. Наверное, как квалификационная работа она приемлема, а ее раздел по вариантам письменности содержит вполне убедительный анализ.

Диссертация Куталмыш Софии Леонидовны на тему: «ФОНОЛОГИЧЕСКАЯ СИСТЕМА КАЗАХСКОГО ЯЗЫКА И ЕГО РАЗНОВРЕМЕННЫЕ ПИСЬМЕННЫЕ СИСТЕМЫ» соответствует основным требованиям, установленным Приказом от 01.09.2016 № 6821/1 «О порядке присуждения ученых степеней в Санкт-Петербургском государственном университете», соискатель Куталмыш София Леонидовна заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.22 — Языки народов зарубежных стран Европы, Азии, Африки, аборигенов Америки и Австралии (тюркские языки). Пункты 9 и 11 указанного Порядка диссертантом не нарушены.

Председатель диссертационного совета

Доктор филологических наук,

доцент, профессор
Желтов А.Ю.



25.10.2021